

Я родился в деревне. С годами запах хлева выветрился, но я все равно собака деревенская. В поме-те нас было шестеро. И родились мы в конце весны. Папашу своего я не знал, но на этом давайте-ка, по-жалуй, не станем заострять внимание. К психологии я вообще отношусь с недоверием. По крайней мере, к собачьей.

Мои братья и сестры постепенно, один за другим, ис-чезали, и меня ждала бы та же судьба, не родись я та-ким, какой есть.

Неправильный окрас.

Моя жизнь повернулась именно так потому, что морда у меня не того цвета, какой считается правиль-ным. Только и всего. В моем случае так вышло, что белое пятно на морде — это единственный участок на всем мне, сплошь черном. Белое пятно на носу — и вот я уже собака второго сорта, неполноценная, не-пригодная к участию в выставках. Тот, кто остается, когда его братья и сестры распроданы.

Сбоку припека.

В те времена я этого, разумеется, не понимал. Буду-чи щенком, я радовался каждый раз, когда очередной

соперник навсегда отваливал от миски с кормом. Хорошее это было время, и, помню, одно лето выдалось таким чудесным, таким полным ощущений и впечатлений, что когда выпал снег, мне казалось, будто я вообще снег впервые вижу.

Вместе со снегом началась новая жизнь или, точнее, новые жизни в виде новых братьев и сестер. Не спрашивайте меня, кто был отцом этой оравы, но с самого их рождения мое существование сделалось невыносимым. Мать, которая несколько месяцев ходила отстраненная и погруженная в себя, теперь стала ко мне откровенно враждебной. Лишь тот, на кого огрызалась и рычала его собственная мать, поймет, каково это.

Я и глазом не успел моргнуть, как из обожаемого единственного ребенка превратился в изгоя. Изгоя — это еще слабо сказано. Меня вообще в стаю не принимали. Брат и сестры вели себя сносно, да и пахли неплохо, а вот с матерью отношения навсегда разладились. По-моему, эта травма навсегда со мной осталась, но, как я уже сказал, обойдемся без Фрейда. Да и без Павлова тоже, если на то пошло.

С утра до вечера в дом приходили люди разных видов и мастей, и все с одной целью — посмотреть на щенков! Все вернулось на круги своя, и я надеялся, что как только удастся избавиться от всей этой мелочи пузатой, возвратятся покой и стабильность. А матери рычание можно и простить или, в худшем случае, не попадаться ей на глаза.

Несмотря на разницу в породах и возрасте, почти все наши гости вели себя одинаково. Голоса их звуча-

ли ласково, сердце билось спокойно, а запах крови становился сладковатым. Все напевали вариации одной и той же мелодии, и все приходили, чтобы найти любимчика. Выбрать собаку. Сравнить этот процесс можно разве что с посещением детского дома, только в нашем случае за понравившегося ребенка еще и деньги придется заплатить.

А вот те, кто считает, будто завести собаку — это все равно что взять и родить ребенка, ошибаются на сто процентов. Если не больше! Лишь немногим людям (к сожалению!) доводится увидеть, как их собака появляется на свет, и еще меньше встречается тех, кто усыпляет собственное потомство и завершает таким образом любовную историю. И если пройдет сколько-то лет и ребенок — конечно, в лучшем случае — вырастет и свалит от вас и ваших тараканов, то псина остается с вами на всю свою жизнь — жизнь, в которой вы становитесь Господом Всевышним: подарю ли я моей собаке жизнь или лучше ее умертвить?

Именно тот безобразный конкурс красоты и открыл мне глаза на мои слабости. Потому что на меня смотрели, лишь вдоволь насмотревшись на мелюзгу, а заметив наконец меня, все задавали один и тот же вопрос: «А этот почему такой большой?» — за которым следовал один и тот же выдающий мелочность характера ответ о белом пятне на носу. Моя карта была бита, но даже и без белого пятна я проигрывал в сравнении с крошечными щенятами, до которых еще не дошло, что хвост, он всегда сзади, и что жизнь полна опасных закоулков.

говорили почти все, увидев щенков, но я никогда не мог понять, что под этим подразумевается. Мелюзгу чесали, похлопывали и гладили до умопомрачения. Дети и взрослые, женщины и мужчины — перед щенячьими чарами никто устоять не мог. Впрочем, меня тоже чесали и хвалили. Есть такое присловье: «Как с кокер-спаниеля вода», но на заре моей юности я чувствовал себя дряхлым слоном.

Когда я представлял, как попаду в руки приходивших к нам отворотительных детей, у меня до самого кончика хвоста хребет леденел. Неподготовленного ребенка до собаки допускать нельзя. У нас бывали и девочки, мечтавшие о кролике (!), но матери с отцом взбрело в голову подарить им собаку. Решение само по себе правильное, однако каково бедной псине, которой суждено вырасти кроликозаменителем? И что, если собака в один прекрасный день — может, став уже взрослой — поймет, что именно случилось?

Как бы там ни было, я рад, что стал свидетелем всей этой купли-продажи, и еще сильнее рад, что поначалу мое белое пятно, а потом и размеры меня от этого прибавили. Я тогда и понятия не имел, что такое «выставка собак», но, едва услышав это слово, я вздрагивал. Хотя взглянуть на выставку собак мне было бы интересно, однако от мысли, что я для такого не создан,

мне становилось легче. Да, слово это порождало у меня в голове немало нездоровых фантазий.

Цинизма, которым проникнут процесс продажи щенков, я в юном возрасте — когда распродали тех, кто был со мной в одном помете, — не понимал. Не было бы счастья, да несчастье помогло, и от этого я ехидно усмехался в бороду. Жизнь моя шла лучше некуда благодаря тому, что люди, хоть и прожив десятки тысячелетий с собаками, не усвоили первой заповеди, пункта один-один в руководстве по применению: «Не суди о собаке по окрасу».

Стоило ему войти в комнату, как я увидел, что он не такой, как все остальные обожатели живых плюшевых игрушечек. Он единственный пришел один. И был самый старый. И самый здоровенный. Едва порог переступил — и комната уже принадлежала ему, с этого момента правила придумывал он. Старый альфа-самец, предпочитающий бродить в одиночку. Как это растолковать, я в тот момент не знал, но, принимая во внимание сложившуюся ситуацию, я любые новости по умолчанию считал скверными.

Единственный из всех, он не умилялся при встрече с нашей небольшой стайкой. Даже не издав привычного уже

он показал на меня и спросил:

— А с этим что не так?

Я снова вынужден был выслушать обоснование моей неполноценности. Покидать этот дом мне не хотелось, однако и унижение я терпел без восторга. Не дослушав объяснений, большой альфа-самец бросил:

— Полцены. Наличными.

Вот так Майор занял в моей жизни место хозяина.

Произошло это с невероятной быстротой, и я понял, что случилось, лишь впервые в жизни оказавшись в автомобиле. Сперва я полагал, будто двигается не машина, а пейзаж за окном, и из-за этого поездка превратилась в кошмар. Куда бы я ни сунулся, невидимые силы дергали меня во всех направлениях, пока я вообще не потерял ориентир. Желудок мой тоже растерялся. И вывернулся наизнанку. Обычно я такого себе не позволяю, но тут совсем отчаялся, поэтому тихо лежал в собственной блевотине, пока, сам того не зная, не очутился в Доме.

Измотанный и несчастный, я не особо запомнил первый вечер, а может, это пришедшие потом привычки стерли ощущение непривычного. Однако я много раз слышал рассказ о том, как в один прекрасный день Майор без предупреждения притащил домой, к фру Торкильдсен, которая уже тогда, задолго до болезни Майора, начала бояться, что тот умрет, вонючего щенка. О том, как меня вымыли в ванне, завернули в старый халат и сфотографировали. Фру Торкильдсен обожает показывать эту щекотливого свойства фотографию, причем даже малознакомым. Что мне нравится в этой истории, так это как фру Торкильдсен, подчеркнув, что собаку ей совершенно не хотелось,

всегда заканчивает свой рассказ фразой: «Майор знал, что делает, когда решил завести Шлёпика!»

И когда она так говорит, я чувствую, что мое достоинство восстановлено. А для нас, собак, достоинство — это важно, хотя иногда, когда мы роемся в мусоре или вытираем зад о ковер, так и не скажешь.

Как известно, воспитание собак — не сказать чтоб целая наука. В кнут и пряник Майор не верил. А вот в кнут и кусочки мяса — наоборот. Это я не к тому, что он меня бил. Необходимости в этом не было. Ему достаточно было один раз ухватить меня за шкуру — и я все понял про его силу. А его сила — это моя сила. С собакой Майора Торкильдсена лучше не шутить.

Сперва Майору сделалось так плохо, что его положили в больной дом, куда собак не пускают, а потом он лишь ненадолго приезжал домой. В последний раз его забрали прямо посреди ночи. Так что можно сказать, мы — я и фру Торкильдсен — привыкли к мысли, что нас только двое. И тем не менее сейчас все иначе. Фру Торкильдсен сидит в своем обычном кресле у окна, а я — меня больше оттуда не гоняли — свернулся на обитом бычьей кожей Майоровом кресле, хотя пока Майор еще жил с нами, мне это строго воспрещалось. Мы с фру Торкильдсен столько вечеров вот так просидели — думали, что привыкли, но финишная черта стала вдруг стартовой. Как выяснилось, жизнь после смерти все-таки существует.

От Майора всегда пахло скорее ипритом, чем розами, но однажды к его основному запаху добавился еще

один, едва заметный. Запах этот, почти невидимый, желтоватый, расползлся по комнате, он не только выходил у Майора изо рта, но и просачивался из пор кожи, когда Майор читал книгу о Войне. Майор вообще читал книги только о Войне, а фру Торкильдсен — все остальные книги. Такое у них было распределение обязанностей.

Диагноз «библиотекарь» поставили фру Торкильдсен уже во взрослом возрасте, но, вероятнее всего, она с ним родилась. Все симптомы были налицо с ранних лет. В детстве у нее имелись две толстые книги, переплетенные в оленью кожу (это я выяснил, ткнувшись в них носом) и полные волшебных историй, которых она никак не могла послушаться. Тогда ей приходилось их слушать, потому что читать она не умела.

Зажав книгу под мышкой, она брала в другую руку маленькую табуреточку и шла на улицу, а там просила всех подряд: «Вы мне не почитаете?»

— Люди тогда были бедными, — говорит фру Торкильдсен, рассказывая эту историю.

Она порой ее рассказывает, потому что Майор любил эту историю больше других. По крайней мере, фру Торкильдсен так считает. Сам я в этом не уверен — прежде чем делать по этому поводу какие бы то ни было выводы, я бы все же уточнил у Майора.

— Люди были бедными, но читать все умели.

Вряд ли мы были бедными, но мы читали — Майор, фру Торкильдсен и я. Я говорю «я», хотя технически я не читал. Собаки вообще читать не умеют. Но время

от времени, совсем недолго, я, опьяненный тефтелями в соусе, укладывался на диван и сквозь дрему чувствовал, как Майоровы книги про Войну неслышно оседают у него в голове. Там, внутри, они превращались в шум, гам, картинки, запахи, страхи и неразбериху. Он часами сидел в своем бычьем кресле, и по нему ни за что нельзя было догадаться, что происходит. Если фру Торкильдсен, сидя с книгой, смеется и плачет, то Майор читал безмолвно, сердце у него билось одинаково ровно, вдыхал и выдыхал он с одинаковой частотой, страница за страницей, книга за книгой. Он читал так жадно и так основательно переваривал книги, что, думаю, тем, кто читал после него, ничего вкусенького уже не оставалось. Благодаря этому фру Торкильдсен примерно представляла, на каком месте Войны он остановился. Речь, кстати, о большой войне — не о какой-нибудь паршивой собачьей склоке.

Охотились мы втроем, все вместе. Выезжали за город, и я оставался сторожить машину, а они отвечали собственно за охоту. Сущий ад это был, вот что. Какой-то французский друг фру Торкильдсен считает, что ад — это люди. Но я бы сказал, что это сильно зависит от людей. А вот настоящий ад — это когда сидишь один в машине и ждешь. Сторожить машину, когда вокруг то и дело шныряют люди, — задание само по себе для собаки непосильное, поэтому я на всякий случай часто лаял. И еще очень переживал за охоту. Майор с фру Торкильдсен по мелочам не разменивались. Возвращались они всегда нагруженные говядиной, птицей, олениной и свиной, а сверху

в тележке у них лежали еще и фрукты, грибы, зелень и овощи. Ну да ладно, если уж им так нравилось. Им и на рыбалке везло, и это чудесно, потому что рыбу ловить собакам не дано, а я рыбу обожаю. Будь я человеком, весь день сидел бы на берегу и таскал из моря копченую треску.

На моей памяти мы ни разу не вернулись с охоты с пустыми руками. Никогда миска моя не стояла пустой. По вечерам, поужинав, — во время такого ужина на пол перед моим носом чего только не падало — Майор с фру Торкильдсен сидели в темноте возле большого окна, пили драконову воду и до поздней ночи вели беседу.

Таким долгим мирным ночам пришел конец, но еду-то нам как-то надо добывать. Признаюсь, мысль эта доставляла мне беспокойство. Да, фру Торкильдсен обычно ездила на охоту вместе с Майором, и, насколько я знаю, охотится она не хуже него, но я как-то раз видел, что случилось, когда она наткнулась в подвале на крысу, и с тех пор в душе у меня зародились сомнения, что она нас прокормит. Да, Майор, как он любил подчеркивать, забил подвал всяческой снедью, которой хватит на год, — вот только что будет, когда год этот закончится, ведь фру Торкильдсен в одиночку охотиться не сможет? Меня мучила тревога, и тревожный пес быстро превращается в пса грустного. А грустный пес — кому он вообще нужен?

Тем приятнее было мое удивление, когда фру Торкильдсен вернулась в машину со своей первой охоты — я был вне себя от счастья, что снова ее увидел, — и принесла и рыбу, и птицу, и такие собачьи

хрустелки в желтом пакете, на котором еще нарисован довольно неприятный джек-рассел-терьер, но которые при этом на вкус прямо-таки волшебные, да и плотные они как раз как надо.

Последняя вылазка в тот день была лучшая, потому что фру Торкильдсен взяла меня с собой. Этого я не ожидал, поэтому не сразу откликнулся, когда она вылезла из машины и сказала:

— Пошли!

Надо же — обычное слово, а какое прекрасное.

Я не совсем тупой и понимаю, когда лучше идти рядом, и тут как раз такой случай и выдался. Фру Торкильдсен решительно вела меня через толпу, и ее уверенность передалась мне.

В ноздри мне ударил знакомый и в то же время чужой запах. Фру Торкильдсен вела нас к источнику запаха, в самую глубь помещения. Там виднелся вход в пещеру, куда мы с фру Торкильдсен и направились, и совсем скоро я понял, где мы очутились. В Драконьем логове.

— Ну что ж, давай тележку возьмем, — сказала фру Торкильдсен.

Так мы и поступили. Я шагал сзади на поводке, а фру Торкильдсен медленно, но целеустремленно передвигалась по помещению и одну за другой брала с полка бутылки. Некоторые она ставила обратно на полку, а другие складывала в тележку. Когда тележка стала полна, фру Торкильдсен двинулась к выходу, и я уже предвкушал, как заберусь в машину и мы поедем домой, где после такой вылазки меня наверняка

ждет какое-нибудь лакомство. Но это было бы слишком просто.

Сперва фру Торкильдсен выложила из тележки все ее содержимое и передала его мужчине за стойкой. Тот одну за другой трогал бутылки, а фру Торкильдсен объясняла ему, что ждет гостей, потому что ее супруг умер и надо устроить поминки. Похоже, такая причина его устроила. Мужчина за стойкой выразил свои соболезнования и вернул бутылки фру Торкильдсен. Но тут возникла новая задачка. Фру Торкильдсен сложила все бутылки в пакеты, и пакетов этих оказалось чересчур много — унести их все она бы не осилила.

— Боже мой, как же мне дотащить это все до машины? — спросила она, и мне захотелось ответить, что никак, вообще без шансов, хватай то, что тебе по силам, и давай-ка отсюда убираться побыстрее, однако тут откуда ни возьмись нарисовался какой-то хриплый бородатый юнец, который предложил ей помощь.

Фру Торкильдсен вообще ничего нести не пришлось — этот тип подхватил ее пакеты, и мы пошли к машине. Дорогой фру Торкильдсен рассказала, сколько успела, о себе, о жизни и даже обо мне чуть-чуть. И все рассыпалась в благодарностях. Она бы его вообще не отпустила, но у юнца, видно, и другие дела в жизни имелись, кроме как ее слушать.